

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ

Народный поэт

Его, народного поэта Дагестана, хорошо знают не только на родине, в многонациональной автономной республике, и не только в нашей стране. Книжки Расула Гамзатова есть, очевидно, в доме каждого, кто любит литературу. Его знают и во многих странах мира, где печатаются его стихи, где он побывал как полпред советской литературы, как представитель народной власти Советской державы.

Не в первый раз земляки выдвигают своего Расула в Верховный Совет СССР, а он в свою очередь всегда внимательно и заинтересованно откликается на заботы своего Дагестана.

Труд горцев не столь романтичен, как иногда думают. Книжные пасторали с бурками и кострами далеки от правды в описании этой сложной и тяжелой, как и всякая сельская работа, профессии. Чабаны по нескольку месяцев ведут по горным тропам отары овец. Связь с людьми, с «живым» миром — только через транзитный приемник. Раций еще мало, а вот до беды — близко. Легко ли пробираться по голому камню к перевалам, где можно встретить лишь туров, к летним пастбищам?

Дом родной мой — выше гор.
Он дорожке мне всего.
Неба синего простор —
Крыша дома моего.

Здесь увидишь наяву
Ты рожденные светлых рек.
Близко к небу я живу,
Но земной я человек.

Советский поэт не мыслит творческой работы без общественной деятельности. Один из ярких примеров — многосторонняя работа Расула Гамзатова, «полпреда» Дагестанской АССР.

К нему как депутату Верховного Совета СССР ежедневно обращаются десятки людей, он получает в месяц сотни писем, встречается со многими людьми. Он такую работу не воспринимает как нагрузку, как нечто отдаленное от повседневной страды поэта. Тому свидетельством лишь малая толика писем и ответов на них, которые как-то удалось посмотреть автору этих строк. И вот что характерно: если обращаются по делу, особенно земляки поэта, если они заботятся о народном благе, Гамзатов начинает хлопотать, звонить, посылать телеграммы, писать письма:

«Директору хозрасчетной базы Главдагводстроя.

Ко мне как депутату Верховного Совета СССР обратились избиратели селения Ахалчи Хунзахского района с просьбой помочь приобрести водопроводные трубы ВТ-9 диаметром 100 мм в количестве 5000 метров...»;

«В Министерство сельского хозяйства РСФСР.

Прошу выделить необходимое количество комбикормов колхозам им. К. Маркса и «Красный партизан» Хунзахского района ДагАССР. Просьба мотивируется тем, что...»;

«Министерству автомобильной промышленности РСФСР.

Прошу помочь в обеспечении машинного парка совхозов и колхозов высокогорных районов Дагестана машинами высокой проходимости...».

Просьбы, напоминания, запросы... Письма, казалось бы, далекие от литературы, от поэзии. Вряд ли, скажем, у кого-нибудь из зарубежных стихотворцев можно найти в архивах черновики подобных посланий.

Но, говоря серьезно, наблюдая за работой Расула Гамзатова, приходит на память одно определение, данное другому советскому писателю: «человек-учреждение», только с одной поправкой: «поэт-учреждение», ибо многое, что делает автор «Моего Дагестана», идет от соучастия в судьбах людей, от его стремления помочь им словом и заботой.

Цада!.. Вот он и появился впереди нас, этот небольшой аул, едва мы вышли из Хунзаха. До него действительно рукой подать. Не спеша подходим к дому Гамзата Цадасы, известного певца Аварии, и его сына Расула Гамзатова. Вот на главной площадке видишь родник. Он с любовью отправлен в камень, и холодная струя бьет в каменный желоб. Подставив руку — тяжелая вода, разбиваясь на тысячу брызг, холодит ладонь, ломит зубы. Родник и очаг — вот два символа, которые утверждал в литературе цадинский Дом.

Огонь в очаге сакли Гамзата, пригубившей к мечети и мало чем отличающейся от соседних построек, поддерживается заботливыми руками работника музея Г. Цадасы. Часть дома, где, кстати, родился Расул (а по-

русски его имя значит «представитель»), отведена под мемориал, хотя он и не носит на себе следов «музейности» — все буднично, просто и в то же время возвышенно. Дом чабанов и поэтов.

Нашим экскурсоводом стал сын смотрительницы музея Патимат, которая на короткое время отлучилась по хозяйству. Смысленный, по-горски самостоятельный мальчуган, гордый своими неожиданными обязанностями, он и сам с интересом разглядывал, брал в руки старинные вещи этого дома. Доставал книжки из ножен, хотя, вытягивая узкое стальное жало, не обнажал его совсем — традиция не разрешает по любому поводу доставать клинок: «Приняв книжку, запомни для начала: нет лучше ножен места для книжки». Попытался накинуть на плечи бурку, доставал сапоги, которые тачал сам Гамзат, вошел по низким, тесноватым комнатам, где жила семья народного поэта. Вышли на крышу сакли — она служит как бы ступенькой любого дагестанского жилища, его двором, «пол» которого необходимо после каждого дождя укатывать тяжелым каменным катком, ибо глина распухает, становится вязкой. На этой крыше, по воспоминаниям Расула Гамзатова, он написал свое первое стихотворение. Было это в 1934 году, когда ему исполнилось одиннадцать лет.

В своих рассказах о детстве, в стихах, посвященных этой теме, поэт всегда щемяще исповедлен. Искренен, мелодика его произведений неизменно грустна, а оттого и человечна.

Раньше я думал, что
детство — лишь доля
Жизни людской.
Но иланыз головой,
Жизнь человека — детство,
и только,
С первого дня до черты
роковой!

Здесь, в Цаде, прошло его детство. Сюда поэт неизменно возвращается. Широкими ступеньками поднимается аул в горы. Нависли над крышами огромные глыбы камня, которые когда-то откололись от соседних скал да так и вросли в землю, будто буйволы, упершись лбами, не решаясь сдвинуться с места.

На окраине аула, ближе к горам, расположено цадинское кладбище, поросшее щетиной выгоревшей на солнце травы. Многие поколения односельчан поэта покоятся здесь — под каменными надгробьями, испещренными арабской клинописью, под камнями, наклонившимися в разные стороны будто бы от тех ветров и бурь, которые проносились по этой земле, под обелисками, которые венчают красные звезды, горящие в желтой высокой траве, подобно каплям крови.

Нет в родной земле аула Цада трех могил дома Гамзатовых — отца поэта, который похоронен в тенистом Комсомольском сквере Махачкалы, где стоит ему памятник, и братьев Расула — Ахильчи и Магомеда, погибших на войне.

На поле далеком сердца
вам пробило,
На поле далеком
вам руки свело...
Цадинское кладбище,
как ты могила,
Могилы свои далеко
занесло!

Поэт пишет о том, что познал и испытал не только он сам, но и миллионы других людей. Общее горе сблизает. Поэтому так и ранят незамысловатые вроде бы строки его стихов. Пример с «Журавлями» общеизвестен, но он может быть помножен и на другие стихи Гамзатова, не все из которых стали песнями.

Возьмем те же цадинские могилы, разбросанные «в краях, в холодных и жарких, где солнце печет и метели метут». Не то ли чувство испытал и герой рассказа «Холмы» Василия Белова, когда пришел на сельский погост, чтобы поклониться праху близких людей?..

«Простая, ясная мысль» пронзила аварского поэта и русского прозаика, заставила их в слове поведать ту интимную, казалось бы, боль, но не выразили ли они тем самым и чувства народные?..

С крыши цадинской сакли видны не только горы, но и лежащий вдалеке Хунзах, знаменитая крепость, где была школа... Поэт пошел по своей первой дороге. За ней потянулась тропа в Буйнакск, в Аварское педагогическое училище, а затем — уже широкая колея — в Москву, в Литературный институт.

Дорога поэта, его путь...

— В книгах «Песни гор», «Год моего рождения», «В горах мое сердце», «Горянка», — рассказывает Расул Гамзатович, — я написал о том, что по наследству мне досталось от родного края — я пел его песни, рассказывал его легенды, старался поведать, где я родился, куда и с какой целью иду. Молодостью моей поэзии (если она была или есть) я считаю книги «Высокие звезды», «И звезда с звездой говорит», «Муллатка», «Граница»... В этих книгах я писал уже о том, что я приобрел, а не получил по наследству. Эти книги — результат моих дорог, находок, утрат, встреч и разлук. Это мои «Журавли» и «Берегите друзей», это мои континенты и мои звезды... Второе детство моей поэзии — это мое возвращение, мое свидание взрослого человека со своей колыбельной заветной песней, это то, что мне удалось сберечь из доставшегося наследства, и то, что я сам приобрел. Это мои книги: «Четки лет», «Две шали», «Письмена», «Мой Дагестан», то, что в последние годы я писал и еще пишу... Хотя я разделил свои книги на три разных раздела, но деление это условно, ибо жизнь одна, дни и годы ее между собой переплетены так же, как и поэзия.

Дорога поэта — это и путь к себе, к познанию самого себя. Чем многограннее, разностороннее личность, чем больший запас внутренних сил и замыслов она имеет, тем труднее становится совладать со словом, донести до читателя радость и боль, печаль и тревогу. Для Расула Гамзатова дорога — это и высокая ответственность гражданина. Он не деятель от литературы, а ее непосредственный делатель. Не составитель пустопорожних планов и проектов, а представитель (счастливо оправдавшееся имя!) народа, Дагестана, всей нашей страны.

Дорога — это путь во времени. В первых книгах еще было трудно угадать истинные возможности роста его дарования. Но Расул Гамзатов прошел нелегкую эволюцию таланта, связанную и с жизненными обстоятельствами, и с черновой, ежедневной работой. Он как художник развивался и рос вместе со своей литературой, был ее мощным двигателем, которому придавал ускоренные движения, включая максимальные обороты. Не каждый, кто идет за ним следом, может выдержать эту скорость.

Таков кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, истинно народный поэт — Расул Гамзатович Гамзатов...

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ.